

Едва эти слова прозвучали, министры один за другим подняли бокалы с поздравлениями. Сяо Ду и У Чжу сели рядом, подняли чаши и, запрокинув головы, осушили их залпом. Затем он поднял на меня взгляд. Пусть и на мгновение — этого хватило, чтобы его взгляд впился в меня, словно кость в горле.

Что же, этот парень вместо благодарности решил на меня обидеться?

Хм, неблагодарное отродье.

То, что царство Чи прислало свою принцессу, — не просто брачный союз. В этом волчонке течёт кровь народа чи, и его брак с У Чжу, затрагивая отношения двух государств, непременно станет для него подспорьем.

Так я размышлял, наблюдая, как У Чжу проявляет к Сяо Ду знаки внимания, а тот лишь пьёт, чашу за чашей, не проронив ни слова.

За пиршественным столом царили смех и беседы, но в речах сквозила подспудная напряжённость. Я знал: визит маркиза с северо-запада и послов варваров непременно вызовет при дворе бурю. Я ел без аппетита. К ночи дворцовые танцы и выступления народных артистов сменяли друг друга, в зале воцарилось праздничное веселье, шум становился всё громче. Обменявшись с Бай Яньчжи условным знаком, я под предлогом выйти вышел через боковую дверь, направился в запретный сад позади Дворца Чуньсуй и в густой чаще стал ждать его людей.

Прождав некоторое время, я услышал за спиной шорох шагов. Не успел обернуться, как пояс на талии резко натянулся, и меня потащили назад. В глазах потемнело — их завязали кожаной полосой. Чьё-то крепкое тело прижало меня к земле, руки были схвачены, ноги — обездвижены.

Первой мыслью был У Дунь. Он затаил на меня злобу — возможно, захотел убить.

Я попытался закричать, но подбородок с силой сжала горячая ладонь, и из горла вырвался лишь короткий вскрик. Голову резко повернули, и чьи-то влажные, обжигающие губы намертво прильнули к моим. В рот ворвался густой запах винных паров. Я остолбенел, и лишь потом до меня дошло: этот человек целует меня! Не успев опомниться от потрясения, я почувствовал боль: его острые зубы впились в мою губу. Затем, словно голодный зверь, впервые вкушивший плоть, он осторожно провёл языком по сомкнутым губам, коснулся мелких сухих трещинок — будто пробовал на вкус мою кровь. Его дыхание было неровным, сдавленным — и я понял, что это кто-то другой.

Сяо Лань. Несмотря на императорский сан, он осмелился учинить со мной эту безрассудную расправу!

«М-м!»

Я начал яростно вырываться, повернул голову, высвободил подбородок из захвата. Он больше не пытался целовать, но я всё равно не мог кричать — лишь кашлял и задыхался. Его рука, сжимавшая мои запястья, слегка ослабла, но не отпустила. Губы соскользнули по щеке к уху, высокий нос задел висок, затем он глубоко втянул воздух у ворота моей одежды и вдруг стиснул зубами мочку уха, принявшись жадно сосать. Я вздрогнул, пытаюсь выкрикнуть что-то связное, но из губ вырвались лишь бессвязные звуки.

«Сяо... Сяо Лань... ты... кх-кх... попираешь устои... недостойн зваться человеком... ты

животное!»

Человек, пригвоздивший меня к земле, замер. Дыхание, пропахшее перегаром, остановилось. Пальцы впились в запястья ещё сильнее.

Боль пронзила тело, но в душе шевельнулось странное чувство.

«Кто здесь?» — в этот момент поблизости раздался тонкий голосок.

Нападавший мгновенно дёрнулся, сорвал с моих глаз кожаную повязку и исчез в глубине леса.

Я сделал несколько шагов, едва удерживая равновесие, когда молодой евнух поспешил ко мне на помощь.

«Ваше Величество!»

Услышав это давно забытое обращение, я вздрогнул. Оглянулся и при лунном свете, пробивавшемся сквозь листву, увидел лицо, поразительно похожее на Лян Шэна. Я остолбенел, какое-то время смотрел на него, а потом до меня дошло: этот евнух — младший брат Лян Шэна, Лян Жань. Когда-то он служил мне вместе с братом, но позже его забрала к себе моя наложница Шу. Во время дворцового переворота он пропал, и я думал, что он сгорел заживо в запретном саду вместе с Лян Шэном. Выходит, всё это время он скрывался в Дворце Чуньсюй. Из-за привязанности к Лян Шэну я в прошлом хорошо относился и к Лян Жаню: часто жаловал подарки, разрешал ужинать с фрейлинами. Так что Лян Жань, несомненно, помнил старые милости.

«Маркиз с северо-запада послал тебя?» — отдышавшись, тихо спросил я.

Лян Жань огляделся и кивнул: «Маркиз велел передать это Вашему Величеству». С этими словами он достал из рукава письмо. «Надо подержать над огнём — проступят буквы. Ваше Величество, прочтите и непременно уничтожьте».

Я кивнул и спрятал послание в рукав.

«Только что... я видел, как кто-то напал на Ваше Величество. Вы не пострадали?»

Я покачал головой. Кроме боли в затылке, всё было в порядке, но страх ещё не отпустил. Если Сяо Лань дошёл до такого, моё положение становится всё опаснее.

Лян Жань повёл меня обратно в Дворец Чуньсюй: «Ваше Величество, вернёмся на пир. Здесь небезопасно».

Я вытер разбитую губу шёлковым платком: «Ладно, ступай. Заходи почаще в Павильон Юсы. Твой брат служил мне много лет, я не оставлю тебя без внимания».

«Слушаюсь, Ваше Величество. Я помню вашу доброту», — смиренно ответил Лян Жань и удалился.

Вернувшись в Дворец Чуньсюй, я с первого взгляда заметил Сяо Ланя: он восседал на троне, беседовал и чокался с У Дунем. Вид у него был такой, будто он никуда не отлучался. В сердце закралось сомнение. Если вдуматься, Сяо Лань вряд ли бросил бы послов другой страны ради такой выходки. Если не он, то кто?

Я занял своё место, окинул взглядом зал — никто не отсутствовал. Однако многие сановники

уже обзавелись варварскими красавицами: те наливали вино, развлекали гостей, вокруг царила разгульная атмосфера. Всё это, несомненно, происходило с позволения Сяо Ланя. Я понимал: он не был мудрым правителем. Подавляя себя десятилетиями, взойдя на престол, он постепенно начал предаваться порокам. Размышляя об этом, я невольно перевёл взгляд на Сяо Ду — и неожиданно встретился с ним глазами. Пьяный волчонок полуприкрыл веки, и в этот момент У Чжу поднесла ему чашу. Он вдруг при всех обхватил её, схватил её нежную руку и, наклонившись, отпил. Поведение было предельно развязным — словно за миг он превратился во взрослого мужчину. Сановники и прочие принцы зашептались.

Я усмехнулся. Волчонок, однако, быстро перенимает манеры. Похоже, не держит на меня зла. Едва эта мысль мелькнула, я вспомнил тяжёлое перегарное дыхание того нападавшего и невольно присмотрелся к Сяо Ду, но тут же отнёс эту мысль. Конечно... это не мог быть он. Я ведь его дядя. Нужно сойти с ума, чтобы осмелиться на такое.

Вероятно, это был какой-то пьяный сановник, забредший в чашу и принявший меня за служанку.

Я мысленно усмехнулся над собой: до чего же немощным стало теперь моё тело.

В этот момент поднялся У Дунь. Воздав хвалу Сяо Ланю, он обернулся ко мне, поднял нефритовый кубок и громко провозгласил: «Помню, в битве у Перевала Волчий Клык Верховный император стрелой нанёс мне тяжёлое ранение. До сих пор не могу забыть, как поразился его доблести и отваге! Ныне наши государства в мире, и я тоже поднимаю тост за Верховного императора. Давайте выпьем и забудем старую вражду!»

«Хорошо, забудем старую вражду!» — с фальшивой улыбкой я поднял бокал, отхлебнул, а остальное вылил на землю — в память о душах воинов, павших от руки У Дуня. У Дунь, привыкший к битвам, понял мой намёк. Лицо его дрогнуло, но он всё же выдавил улыбку и осушил чашу.

Будь я по-прежнему императором, его слова, возможно, польстили бы мне. Но сейчас они звучали как насмешка.

«Верховный император слаб здоровьем, не стоит пить слишком много», — Сяо Лань, заметив моё недовольство, поспешил замять ситуацию. Я вспомнил, как в ту ночь он потчевал меня вином с оленьей кровью, и меня охватило омерзение — так и подмывало швырнуть чашу на пол.

У Дунь обратился к принцам, поднимая тост за каждого. Желая продемонстрировать царству Мянть таланты своих отпрысков, Сяо Лань велел принцам показать умения. Я понимал: это не просто представление, оно связано с избранием наследника престола. Я взглянул на Фэй Яня, обменялся с ним понимающим взглядом, затем перевёл глаза на Сяо Ду. Тот по-прежнему обнимал У Чжу, вёл себя развязно — словно никого вокруг не замечал. В сердце зашевелилась тревога.

Старший принц исполнил «Танец с барабаном», производя оглушительный грохот. Сановники рукоплескали, восхваляя его недюжинную отвагу — словно не хватало лишь сказать, что в нём веет духом правителя.